

Это было совсем не в духе Цигуань Яня. Сидя в императорском паланкине, он выглядел так, будто происходящее его ничуть не заботит. А что, если рана воспалится?

В конце концов, не в силах побороть беспокойство, он слегка повернулся в сторону:

— Гао Уфэнь, ступай и раздобудь лучшую мазь от ран.

— Ваше Величество, вы... вы что-то сказали? — Гао Уфэнь так перепутал, что лицо его побелело, а ноги затряслись прямо на ходу.

Цигуань Янь не стал ничего объяснять:

— Живее!

Мо Чжиян впервые оказался во дворце Чэнцян в дневное время. Когда он переступил порог, император, облаченный в золотой халат с драконами, стоял к нему спиной. Мо Чжиян подошел ближе и опустился на колени, отвесив поклон:

— Приветствую Ваше Величество.

Его лоб коснулся отполированной до зеркального блеска мраморной плиты. В тишине слышались приближающиеся шаги. Мо Чжиян оставался совершенно спокоен.

— Встань, — произнес император. Заметив, что рука юноши, обмотанная тканью, распухла еще сильнее, он присел на корточки. Тяжелые шелковые одежды, шурша, легли на пол красивыми складками.

Сердце Цигуань Яня сжалось от жалости. Он начал осторожно разматывать бинты:

— Больно?

— Это подарок Императрицы, она сказала, что болеть не должно.

Когда повязка была снята, перед глазами предстали четыре пальца, распухшие до синевы. В некоторых местах проступили капли крови. Цигуань Янь, до этого сохранявший невозмутимость, вспыхнул от ярости. Он отпустил его руку и отрывисто бросил:

— Гао Уфэнь, подготовь паланкин, отправляемся во дворец Вэйян!

— Ты снова победил! — отозвалась Система.

Мо Чжиян улыбнулся и просто сел на пол, скрестив ноги. Он ведь не какая-нибудь святая невинность: если его ударят по щеке, он непременно ответит пинком.

Император впервые пожаловал во дворец Вэйян. Императрица, опустившись на колени, не смела поднять головы, но внутри у нее все дрожало. Неужели Система заставила его прийти, чтобы помочь ей завершить задание?

Цигуань Янь, сдерживая гнев, чувствовал себя на этом стуле крайне неудобно:

— Эй, подайте Императрице чаю.

— Слушаюсь, — Гао Уфэнь принес заранее приготовленную чашку — белую фарфоровую пиалу размером с кулак.

Императрица не поняла смысла этого жеста, но поклонилась:

— Благодарю Ваше Величество.

— Ваше Величество, Императрица, этот чай, пожалованный государем, следует пить стоя на коленях, — Гао Уфэнь протянул ей чашу, заставив держать ее обеими руками за широкие края.

Императрица осталась стоять на коленях, как и все слуги дворца Вэйян. На глазах у всех Гао Уфэнь взял раскаленный чайник, из носика которого валил пар.

Он подошел и начал наливать кипяток в фарфоровую чашу. Как только крутой кипяток коснулся белого фарфора, нежные руки Императрицы обожгло. Она инстинктивно хотела разжать пальцы.

— Императрица, это же чай, дарованный самим государем. Если уроните — это будет сочтено за презрение к императорской милости, а это карается казнью всех девяти колен рода.

Слова Гао Уфэня испугали женщину, и она вцепилась в чашу мертвой хваткой. Кипяток продолжал литься, обжигая ее руки докрасна.

Император сидел наверху, небрежно сдувая пенку с чая, но пить его не собирался.

Чайник был невелик, но лоб Императрицы уже покрылся потом. Она дрожала от боли всем телом, но обязана была сохранять равновесие.

— Благодарю Ваше Величество за милость.

— Раз понимаешь, что это милость, значит, хорошо, — Цигуань Янь небрежно поставил свою чашку на низкий столик рядом и поднялся: — Все, что я тебе даю, — это милость. Понимаешь?

— Ваша слуга понимает.

Императрица видела, как перед ней промелькнули расшитые золотом полы императорского халата. Перед глазами у нее потемнело от боли. Как только он ушел, она, наконец, выдохнула и тут же лишилась чувств.

Система вздохнула:

— Кажется, Императрица сейчас взорвется.

Мо Чжиян, сидя на полу, рассматривал свою раненую руку и покачал головой:

— Это только начало. У меня для нее припасено еще кое-что.

Послышались шаги. Мо Чжиян обернулся, увидел его и мгновенно выпрямился, расплывшись в широкой улыбке.

Цигуань Янь вернулся. Увидев, что юноша сидит на полу, он почувствовал, как остатки гнева улетучились. Он даже невольно пошел тише:

— Дитя, почему ты сидишь на полу?

— Потому что я не знаю, где мне сесть, — Мо Чжиян был немного озадачен, поддерживая левой рукой правую.

Этот ребенок был до того милым, что император, увидев его руку, только сейчас вспомнил о лекарстве. Он подошел, присел перед ним и взял его за руку:

— Все еще болит?

— Нет, — Мо Чжиян не стал сопротивляться, ответив мягким, нежным голосом: — Просто теперь я не смогу упражняться в стрельбе из лука.

Цигуань Янь с редкой нежностью принялся обрабатывать рану. Глядя на четыре изуродованных пальца, он подумал, что нужно было отрубить той женщине руки — только так можно было бы унять его гнев.

— Чем ты обычно занимаешься, кроме стрельбы из лука?

— Защищаю Ваше Величество, — Мо Чжиян слегка опустил голову. Их руки переплелись. Вспомнив Шэнь Чанлю, он подумал, что тот был жалок, но нужно постараться загладить вину перед этим персонажем — в конце концов, он тоже был целью для защиты, да и видаться им больше не придется.

Это не удивило Цигуань Яня, он знал, что юноша был приставлен охранять его:

— А еще?

— Учитель говорил мне, что вся моя жизнь должна быть посвящена защите Вашего Величества, остальное неважно, — закончил Мо Чжиян и, ощутив на себе жгучий взгляд, поднял глаза.

Их взгляды встретились. Мо Чжиян слегка смутился, на его щеках проступил румянец, и он почесал затылок левой рукой:

— Я... у меня действительно нет других дел, кроме как служить Вам.

— Что ты имеешь в виду? — Цигуань Янь действительно не понимал? Такой умный человек, конечно, знал, но ему нужно было удостовериться.

Мо Чжиян выглядел растерянным:

— Я живу ради Вашего Величества. Упражняюсь в мастерстве ради Вас, изучаю боевые искусства ради Вас, и сейчас я здесь только для того, чтобы защищать Вас.

Должно быть, это очень тяжело — столько лет в одиночку бороться на грани жизни и смерти. И вот теперь появился человек, который живет ради тебя, такой простой, что во всем мире для него существуешь только ты и лук. Это ведь должно радовать, правда?

Этот дьявол всегда мог легко достучаться до самых нежных струн человеческой души.

Цигуань Янь замер, а затем внезапно поднялся:

— Уходи.

— Слушаюсь, — Мо Чжиян послушно поднялся и попятился к выходу.

Глядя, как он уходит, Цигуань Янь не выдержал:

— Постой!

Внезапно окликнутый, Мо Чжиян обернулся, глядя на него с недоумением.

— Возьми лекарство, — бросил Цигуань Янь и, взмахнув рукавом, отвернулся к двери.

Мо Чжиян кивнул, подбежал, схватил маленький пузырек с пола и выскочил наружу, словно кролик.

— Ты проиграл! — с издевкой отозвалась Система.

Она-то думала, что император, как Шэнь Чанлю, начнет обнимать и целовать его, а он просто выгнал его вон. Похоже, влияние NPC не так уж велико.

Мо Чжиян не придавал этому значения. Зажав пузырек в ладони, он одним прыжком взобрался на стену:

— Давай поспорим: в течение полумесяца этот «паршивый император» будет меня целовать и обнимать. Если я выиграю, ты назовешь меня «папочкой» в этом мире, а если проиграю — я буду звать тебя папочкой. Как тебе?

Ставка была велика, но кто не рискует, тот не пьет шампанского. Система согласилась:

— Идет.

Если бы она смогла подавить Хозяина в плане иерархии, это было бы невероятно приятно!

Цигуань Янь выгнал его, потому что сам чувствовал себя не в своей тарелке. Ему казалось, что с тех пор, как он встретил юношу, гнев внутри него никак не утихает, а в душе проснулось странное, неясное чувство.

Чуждое и бурное, оно заставляло его думать, что он стал жертвой приворота.

Но может ли этот ребенок, такой простой и наивный, на самом деле совершить нечто подобное? Ведь когда-то Вдовствующая Императрица тоже окружала его любовью, а чем все закончилось? Она жаждала его смерти.

Императрица очнулась, когда уже стемнело. Жгучая боль в пальцах вызывала лишь раздражение. Почему император внезапно явился во дворец Вэйян?

И почему он так странно ее наказал? Неужели ее отец и брат прогневали его при дворе?

— Госпожа, вам нужно беречь руки. Лекарь сказал, что нельзя касаться воды, нужно каждый день менять повязки, — Чуньси осторожно достала руки Императрицы из-под одеяла: — Лекарь выписал отвар, выпейте немного каши, а потом лекарство.

Тан Ваньвань с помощью служанки села, опираясь на подушки:

— Хорошо.

В этот момент вошла Чуньфу, поклонилась и подошла к кровати:

— Госпожа, я принесла то, что вы просили.

Она протянула небольшой бумажный сверток размером с кусок тофу. Увидев его, Тан Ваньвань кивнула. На душе стало чуточку легче. Она посмотрела на свои забинтованные руки:

— Интересно, заживут ли они к празднику Середины осени?

— Обязательно заживут! В этом дворце лучшие лекари. Если будете беречься, на банкете вы затмите всех, — подобострастно добавила Чуньси.

Чуньфу поддержала ее, что действительно успокоило Тан Ваньвань, но она вспомнила о другом:

— А тот мужчина? Его хорошо спрятали?

— Не беспокойтесь, госпожа, — Чуньфу дала гарантию, что он спрятан в пещере за садом, куда никто не заходит.

Последние ночи были подозрительно тихими, даже крики кукушки по ночам прекратились.

Система в этот раз искренне надеялась, что Хозяин ошибется. Подумать только, Хозяин назовет ее «Папочкой-Системой»! У нее даже программный код закипал от предвкушения.

Мо Чжиян следил не только за дворцом Чэнцян, но и за дворцом Вэйян. Он не мог позволить Чэнь Бояню сбежать — тот должен был оставаться во дворце.

За несколько дней раны на пальцах Тан Ваньвань затянулись, но она все еще была осторожна. В одну из ночей, когда все уснули, она отослала ночную служанку, накинула плащ, взяла фонарь и направилась в задний сад.

Был одиннадцатый день восьмого месяца. Столица находилась на севере, и там уже начинало холодать. Не успела она отойти далеко, как плащ уже покрылся росой.

Выйдя из покоев и миновав галерею, она оказалась в заднем саду. Пройдя по дорожке из синего камня, вдоль которой рос бамбук, она дошла до небольшого пруда.

Рядом с прудом была искусственная гора. Тан Ваньвань приподняла подол платья, поднялась по ступеням и, дойдя до другой стороны, тихо позвала:

— Господин Чэнь?

Чэнь Боянь открыл глаза, но не решился ответить. Лишь когда он прислушался к голосу и узнал девушку, спасшую его, он отозвался:

— Я здесь.

Услышав его, Тан Ваньвань осмелела и подошла ближе. Фонарь разгонял тьму, придавая ей уверенности. Войдя в каменную пещеру, она наконец увидела его.

— Господин Чэнь, вы как? — Тан Ваньвань согнулась в три погибели, чтобы войти, осторожно поставила фонарь и принялась его рассматривать: — Наступает осень, я попрошу Чуньфу принести вам еще одежды.

— Благодарю вас, госпожа Тан, — Чэнь Боянь попытался поклониться, но от движения плечо пронзила острая боль, и ему пришлось оставить попытки. Та стрела была поистине безжалостной.

Тан Ваньвань намеренно протянула руку, чтобы он увидел раны:

— Не стоит благодарности. Спасти жизнь — это все равно что построить семиэтажную пагоду. Главное, чтобы вы поправились и поскорее сбежали из этого логова дьявола.

Чэнь Боянь, как она и ожидала, заметил ее раны:

— Вы... госпожа Тан, что с вашими руками?

— Это император наказал меня. Должно быть, я что-то сделала не так. Господин Чэнь, не беспокойтесь, я уже привыкла. Император переменчив в настроении... все во дворце это знают. Если попадешь под горячую руку — вини только свою неудачу.

Эти слова выставили Цигуань Яня в самом неприглядном свете. Чэнь Боянь, разумеется, пришел в ярость:

— Тиран! Пока такие люди держат власть, народ будет страдать. В чем вина простого люда? Госпожа Тан, вам пришлось нелегко.

«Уровень симпатии Чэнь Бояня — 95. Хозяин, продолжайте в том же духе».

В голове прозвучал холодный механический голос. Мо Чжиян наконец выдохнул. Тан Ваньвань через силу улыбнулась и покачала головой:

— Господин Чэнь, вам лучше побережь силы и не волноваться.

Цель была достигнута, и интерес Тан Ваньвань к разговору пропал. Успокоив его парой слов, она ушла. Если бы не Система, которая внезапно выдала побочное задание повысить симпатию Чэнь Бояня, она бы ни за что не пошла сюда посреди ночи.

Говорили, что Чэнь Боянь может помочь ей в решающий момент. Она даже просила отца разузнать о нем, но вестей не было.

Ладно, теперь все это можно отложить. Она дождется банкета в честь Середины осени, завершит задание, а там видно будет.

Но на самом деле Цигуань Янь не был тираном. Его методы были суровы, но так поступали все императоры во все времена. И при дворе, и на границах все ходили на цыпочках, боясь совершить ошибку.

С момента его восшествия на престол, конечно, случались судебные ошибки, но границы были прочны, народ жил в относительном достатке, а народ Цян на границе, страшаясь его железного кулака, не смел больше совершать набег. Страна процветала.

Огонек свечи в ночи ранней осени выглядел особенно ярко.

Мо Чжиян стоял неподалеку и наблюдал, как Тан Ваньвань уходит от пещеры. Он примерно понимал, где находится Чэнь Боянь, но оставался один вопрос:

— Тан Ваньвань смогла взойти на трон, значит, у нее есть какие-то способности. Почему же тогда государство Юнь было уничтожено народом Цян?

— То, что она вошла на трон, на девяносто процентов заслуга Системы. У нее есть немного хитрости и жестокости, но Система Императрицы помогает лишь захватить трон. Удержание власти зависит от политического чутья, а в этом Тан Ваньвань — полный ноль.

Именно поэтому через несколько лет после ее воцарения мощь государства ослабла, и оно было захвачено народом Цян. Более сорока миллионов юнцев погибли от рук захватчиков.

— И правда, завоевать империю легче, чем удержать, — Мо Чжиян бесшумно отступил. Он не собирался ловить Чэнь Бояня прямо сейчас.

Дворец постепенно наполнялся суетой — все готовились к празднику Середины осени. Ведомство внутренних дел и Министерство ритуалов готовили банкеты.

Мо Чжиян стоял в лучах заходящего солнца, глядя, как слуги разносят лунные пряники. Ему стало завидно, но придется подождать, пока все разойдутся, чтобы стащить парочку с императорской кухни.

Система подсчитала, что осталось четыре дня, и нетерпеливо напомнила:

— Наше пари в силе? Может, скажешь уже «папочка-Система»? Дай мне почувствовать радость заранее.

— О, правда? — Мо Чжиян улыбнулся. — Завтра вечером узнаешь, кто чей папочка!

Цигуань Янь терпеть не мог все эти светские приемы, но в праздники был обязан устраивать банкеты, чтобы наградить чиновников. Он надел императорское одеяние, корону, и длинные жемчужные подвески скрыли его недовольное лицо.

Раскинув руки, он позволил Гао Уфэню поправить одежду и посмотрел наружу. Солнце только что село, остатки заката не хотели уходить с небосвода. Наступил праздник Середины осени, интересно, поел ли тот ребенок сладостей?

В последние дни он постоянно думал о нем, но не решался встретиться. У него было предчувствие: если он увидит его, то уже не сможет остановиться.

Он сел в паланкин и отправился в зал Тайхуа. Не успел он доехать, как услышал звуки музыки. Цигуань Янь закрыл глаза. Он не хотел смотреть на окружающих — того, кого он хотел видеть, здесь не было.

— Да здравствует Император! Десять тысяч лет!

Цигуань Янь сел на самый высокий трон и махнул рукавом:

— Встаньте.

В зале Тайхуа было шумно. В центре выступали танцоры, чиновники пили вино и смеялись. Снаружи, у стен, звучала музыка.

Праздник Середины осени должен был быть временем воссоединения, радостным моментом, но Цигуань Янь лишь держал пустой бокал, рассеянно оглядывая зал. Неподалеку сидели наложницы, чьих имен он даже не помнил — скука смертная.

Голос певицы был не таким приятным, как нежное «Ваше Величество» из уст того юноши, а движения танцовщицы были лишены той грации, что была присуща ему.

Цигуань Янь даже не заметил, как начал сравнивать всех с ним. И каждый раз приходил к выводу, что тот ребенок лучше всех.

Вдруг танцовщицы отступили. На сцену вышла ослепительная женщина в красном наряде. Она шла босиком, лицо было скрыто рукавами, а волосы не украшали никакие заколки — они были небрежно собраны на затылке.

Музыканты внезапно замолчали, осталась лишь флейта, чьи чистые и переливчатые звуки выводили мелодию «Луна над весенней рекой».

Под звуки флейты женщина в красном начала танцевать. Теперь все увидели, что это Императрица.

Все взгляды обратились к левому канцлеру, а затем люди притихли, опустив головы — любоваться танцем Императрицы мог только император.

Весь зал замер, даже музыкант, игравший на флейте, повернулся спиной. Это был пир, принадлежащий только Цигуань Яню.

Но Цигуань Янь лишь мельком взглянул на нее. Красное платье было неплохим, но не более того.

Тан Ваньвань, оправдывая свое имя, танцевала изящно и соблазнительно, но без пошлости. Красный наряд подчеркивал ее кожу, белую как снег. Она была ослепительна.

Но Цигуань Яню было все равно. Он сидел, опираясь на подлокотник трона, и витал в облаках.

Когда музыка стихла, Тан Ваньвань подняла свое красивое лицо, уверенно глядя на того, кто восседал на троне. Но он выглядел странно — сидел, погруженный в свои мысли.

О чем думает император?

Тан Ваньвань не понимала. Неужели ее танец был настолько потрясающим, что даже император потерял дар речи? Подумав об этом, она решила, что ее план непременно сработает.

— Ваше Величество, позвольте мне поднести Вам бокал вина, — Тан Ваньвань поклонилась и достала заранее приготовленный кувшин, велев Чуньси разлить вино.

Император посмотрел на бокал с неприязнью. Он сделал знак Гао Уфэню. Тот, все поняв, проверил вино серебряной иглой и, убедившись, что яда нет, поднес его императору.

Цигуань Янь одним глотком осушил бокал, почувствовал лишь скуку, поставил его на стол и поднялся:

— Я устал, вернусь во дворец.

— Ваше Величество! — она не могла позволить ему уйти. Тан Ваньвань занервничала. Если он уйдет, то... то лекарство, которое было на нем, и лекарство, что было на ней...

Внезапно остановленный, Цигуань Янь нахмурился и с отвращением посмотрел на стоящую внизу женщину:

— Что еще?

Тон и взгляд, полный гнева и скрытой угрозы, заставили Тан Ваньвань вздрогнуть. Она не решилась больше ничего сказать:

— Счастливого пути, Ваше Величество.

Глядя, как он уходит, Тан Ваньвань почувствовала, как сердце ушло в пятки. Она развернулась и побежала за ним — она должна была догнать его.

По пути во дворец Чэнцян Цигуань Янь сидел в паланкине, который покачивался, вызывая лишь раздражение. Внутри него словно что-то горело. Он приложил руку ко лбу:

— Гао Уфэнь.

— Я здесь, — отозвался тот, следуя за паланкином.

Он хотел что-то сказать, но забыл. Цигуань Яня охватило беспокойство. Он не знал, как выплеснуть это чувство. Выйдя из паланкина, он почувствовал головокружение.

Тан Ваньвань, которая спешила за ним, с трудом сдерживая недомогание, увидела, как император вошел во дворец Чэнцян. Она поняла, что опоздала. Теперь все пропало.

Мо Чжиян сидел на крыше и достал из-за пазухи бумажный сверток с лунным пряником, который он стащил с кухни. Откусив кусочек, он решил, что это действительно неплохо.

Вкус лotosовой пасты был сладким, но не приторным.

В тишине ночи раздалось два крика кукушки. Мо Чжиян покачал головой: «Ну надо же, как раз когда я ем, не вовремя».

Завернув пряник обратно, он спрятал его и спрыгнул вниз.

Мо Чжиян подошел к окну. Луна сегодня была полной и яркой, земля казалась покрытой инеем.

Но на этот раз «паршивый император» вел себя странно. Его взгляд был затуманен, а выражение лица — каким-то неестественным. Мо Чжиян стоял перед ним, и ему казалось, что он уже заключен в его объятия.